

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Юристы, наверно, тоже когда-то
были детьми.*

Чарлз Лэм

Глава 1

Незадолго до того, как моему брату Джиму исполнилось тринадцать, у него был сломан локоть. Когда рука зажила и Джим перестал бояться, что не сможет играть в футбол, он ее почти не стеснялся. Левая рука стала немного короче правой; когда Джим стоял или ходил, ладонь была повернута к боку ребром. Но ему это было все равно, лишь бы не мешало бегать и гонять мяч.

Через несколько лет, когда все это было уже дело прошлое, мы иной раз спорили о событиях, которые к этому привели. Я говорила — все пошло от Юэлов, но Джим, а он на четыре года старше меня, уверял, что все началось гораздо раньше. Началось с того лета, когда к нам приехал Дилл, сказал он, Дилл первый придумал выманить из дому Страшилу Рэдли.

Я сказала, если добираться до корня, так все пошло от Эндрю Джексона*. Если бы генерал Джексон не прогнал индейцев племени Ручья вверх по ручью, Сай-

---

* Джексон Эндрю (1767—1845) — президент США, чья политика способствовала освоению новых земель.

мон Финч не приплыл бы на своей лодке вверх по Алабаме, — и что бы тогда с нами было? Людям взрослым уже не пристало решать спор кулаками, и мы пошли и спросили Аттикуса. Отец сказал, что мы оба правы.

Мы южане; насколько нам известно, ни один наш предок не сражался при Гастингсе*, и, признаться, кое-кто в нашей семье этого стыдится. Наша родословная начинается всего лишь с Саймона Финча, родом из Корнуэла, он был лекарь, а еще промышлял охотой, ужасно благочестивый, а главное, ужасный скряга. Саймону не нравилось, что в Англии людям, которые называли себя методистами, сильно доставалось от их более свободомыслящих братьев: он тоже называл себя методистом, а потому пустился в дальний путь — через Атлантический океан в Филадельфию, оттуда в Ямайку, оттуда в Мобил и дальше в Сент-Стивенс. Памятуя, как сурово Джон Уэсли осуждал многоглаголение при купле-продаже, Саймон втихомолку нажил состояние на медицине, но при этом опасался, что не сможет устоять перед богопротивными соблазнами — начнет, к примеру, рядиться в золото и прочую мишуру. И вот, позабыв наставление своего учителя о тех, кто владеет людьми как орудиями, он купил трех рабов и с их помощью построил ферму на берегу Алабамы, миль на сорок выше Сент-Стивенса. В Сент-Стивенс он вернулся только однажды, нашел себе там жену, и от них-то пошел род Финчей, причем рождались все больше дочери. Саймон дожил до глубокой старости и умер богачом.

---

* В 1066 году в битве при Гастингсе норманский герцог Вильгельм I нанес поражение англосаксонским войскам и стал королем Англии. Предки Финчей не участвовали в этой битве, следовательно, Финчи не принадлежат к старинной английской аристократии.

Мужчины в нашей семье обычно так и оставались на ферме Саймона «Пристань Финча» и выращивали хлопок. Хотя «Пристань» и выглядела скромно среди окружавших ее поистине королевских владений, но давала все, что нужно для независимого существования, только лед, пшеничную муку да одежду и обувь привозили пароходом из Мобила.

Распря между Севером и Югом, наверно, привела бы Саймона в бессильную ярость, ведь она отняла у его потомков все, кроме земли; однако они остались земледельцами, и лишь в двадцатом веке семейная традиция нарушилась: мой отец, Аттикус Финч, поехал в Монтгомери изучать право, а его младший брат поехал в Бостон изучать медицину. На «Пристани Финча» осталась одна только их сестра Александра; она вышла замуж за тихоню, который целыми днями лежал в гамаке у реки и гадал, не попалась ли уже рыба на его удочки.

Закончив учебу, мой отец вернулся в Мейкомб и занялся адвокатской практикой. Мейкомб — это окружной центр милях в двадцати к востоку от «Пристани Финча». В здании суда у Аттикуса была контора, совсем пустая, если не считать вешалки для шляп, плевательницы, шахматной доски да новенького Свода законов штата Алабама. Первые два клиента Аттикуса оказались последними, кого повесили в мейкомбской окружной тюрьме. Аттикус уговаривал их признать себя виновными в непредумышленном убийстве, тогда великодушный закон сохранит им жизнь; но они были Хейверфорды, а кто же в округе Мейкомб не знает, что все Хейверфорды упрямы как ослы. У этих двоих вышел спор с лучшим мейкомбским кузнецом из-за ко-

былы, которая забрела на чужой луг, и они отправили кузнеца на тот свет, да еще имели неосторожность сделать это при трех свидетелях, а потом уверяли, что так этому сукину сыну и надо, и воображали, будто это их вполне оправдывает. Они твердили, что в убийстве с заранее обдуманном намерением не виновны, и Аттикус ничем не мог им помочь, кроме как присутствовать при казни, после чего, должно быть, он и проникся отращением к уголовным делам.

За первые пять лет жизни в Мейкомбе Аттикус не столько занимался адвокатской практикой, сколько практиковался в строгой экономии: все свои заработки он вложил в образование младшего брата. Джон Хейл Финч был на десять лет моложе моего отца и решил учиться на врача как раз в ту пору, когда хлопок так упал в цене, что его и выращивать не стоило; потом Аттикус поставил дядю Джека на ноги, и с деньгами у него стало посвободнее. Он любил Мейкомб, он был плоть от плоти округа Мейкомб, знал всех здешних жителей, и они его знали; а благодаря стараниям Саймона Финча Аттикус был если не в кровном родстве, так в свойстве чуть ли не со всеми семействами города.

Мейкомб — город старый, когда я его узнала, он уже устал от долгой жизни. В дождь улицы раскисали, и под ногами хлюпала рыжая глина; тротуары заросли травой, здание суда на площади осело и покосилось. Почему-то в те времена было жарче, чем теперь: черным собакам приходилось плохо; на площади тень виргинских дубов не спасала от зноя, и костлявые мулы, впряженные в тележки, яростно отмахивались хвостами от мух. Крахмальные воротнички мужчин размока-

ли уже к девяти утра. Дамы принимали ванну около полудня, затем после дневного сна — в три часа — и все равно к вечеру походили на сладкие булочки, покрытые глазурью из пудры и пота.

Люди в те годы двигались медленно. Разгуливали по площади, обходили одну лавку за другой, все делали с расстановкой, не торопясь. В сутках были те же двадцать четыре часа, а казалось, что больше. Никто никуда не спешил, потому что идти было некуда, покупать нечего, да и денег ни гроша, и ничто не влекло за пределы округа Мейкомб. Но для некоторых это было время смутных надежд: незадолго перед тем округу Мейкомб объяснили*, что ничего не надо страшиться, кроме страха.

Наш дом стоял на главной улице жилой части города, нас было четверо — Аттикус, Джим, я и наша кухарка Кэлпурния. Мы с Джимом считали, что отец у нас неплохой: он с нами играл, читал нам вслух и всегда был вежливый и справедливый.

Кэлпурния была совсем другая. Вся из углов и костей, близорукая и косая; и рука у нее была широкая, как лопата, и очень тяжелая. Кэлпурния вечно гнала меня из кухни и говорила, почему я веду себя не так хорошо, как Джим, а ведь она знала, что Джим старше; и она вечно звала меня домой, когда мне хотелось еще погулять. Наши сражения были грандиозны и всегда кончались одинаково. Кэлпурния неизменно побеждала, больше потому, что Аттикус неизменно принимал ее сторону. Она жила у нас с тех пор, как родился Джим, и, сколько себя помню, я всегда ощущала гнет ее власти.

---

* Слова из речи президента Франклина Рузвельта (1882—1945).

Мама умерла, когда мне было два года, так что я не чувствовала утраты. Она была из города Монтгомери, урожденная Грэм; Аттикус познакомился с нею, когда его в первый раз выбрали в законодательное собрание штата. Он был тогда уже пожилой, на пятнадцать лет старше ее. В первый год после их свадьбы родился Джим, после него через четыре года — я, а еще через два года мама вдруг умерла от разрыва сердца. Говорили, что это у Грэмов в роду. Я по ней не скучала, но Джим, наверно, скучал. Он хорошо помнил маму и иногда посреди игры вдруг длинно вздыхал, уходил за гараж и играл там один. Когда он бывал такой, я уж знала: лучше к нему не приставать.

Когда мне было около шести лет, а Джиму около десяти, нам летом разрешалось уходить от дома настолько, чтоб слышать, если Кэлпурния позовет: к северу — до ворот миссис Генри Лафайет Дюбоз (через два дома от нас), к югу — за три дома, до Рэдли. У нас никогда не было искушения перейти эти границы. В доме Рэдли обитало неведомое страшилище, стоило упомянуть о нем — и мы целый день были тише воды, ниже травы; а уж миссис Дюбоз была сушая ведьма.

В то лето к нам приехал Дилл.

Как-то рано утром мы с Джимом вышли на задворки, и вдруг в огороде у соседки мисс Рейчел Хейверфорд, среди грядок с кольраби, что-то зашевелилось. Мы подошли к проволочной изгороди поглядеть, не щенок ли это, — у мисс Рейчел фокстерьер должен был оцениться, — а там сидел кто-то коротенький и смотрел на нас. Над кольраби торчала одна макушка. Мы стояли и смотрели. Потом он сказал:

— Привет!

— Сам привет, — вежливо ответил Джим.

— Я Чарлз Бейкер Харрис, — сказал коротенький. — Я умею читать.

— Ну и что? — сказала я.

— Я думал, может, вам интересно, что я умею читать. Может, вам надо чего прочитать, так я могу...

— Тебе сколько? — спросил Джим. — Четыре с половиной?

— Скоро семь.

— Чего ж ты хвастаешь? — сказал Джим и показал на меня большим пальцем. — Вон Глазастик сроду умеет читать, а она у нас еще и в школу не ходит. А ты больно маленький для семи лет.

— Я маленький, но я уже взрослый.

Джим отвел волосы со лба, чтоб получше его разглядеть.

— Поди-ка сюда, Чарлз Бейкер Харрис. Господи, вот так имечко!

— Не смешней твоего. Тетя Рейчел говорит, тебя зовут Джереми Аттикус Финч.

Джим нахмурился.

— Я большой, мне мое имя подходит. А твое длинней тебя самого. На целый фут*.

— Меня все зовут просто Дилл. — И Дилл полез под проволоку.

— Лучше бы сверху перелез, — сказала я. — Ты откуда взялся?

Дилл взялся из Меридиана, штат Миссисипи, он приехал на лето к своей тете мисс Рейчел и теперь всегда будет летом жить в Мейкомбе. Его родные все мейкомбские, мать работает в Меридиане в фотографии,

---

* Фут (англ.) — единица длины, равная 30,5 см.

она послала карточку Дилла на конкурс красивого ребенка и получила премию в пять долларов. Она отдала их Диллу, и он на эти деньги целых двадцать раз ходил в кино.

— У нас тут кино не показывают, только иногда в суде про Иисуса, — сказал Джим. — А ты видел что-нибудь хорошее?

Дилл видел кино «Дракула»*, это открытие заставило Джима поглядеть на него почти с уважением.

— Расскажи, — попросил он.

Дилл был какой-то чудной. Голубые полотняные штаны пуговицами пристегнуты к рубашке, волосы совсем белые и мягкие, как пух на утенке; он был годом старше меня, но гораздо ниже ростом. Он стал рассказывать нам про Дракулу, и голубые глаза его то светлели, то темнели; вдруг он принимался хохотать во все горло; на лоб ему падала прядь волос, и он все время ее теребил.

Когда Дилл разделался с Дракулой, Джим сказал — похоже, что кино поинтереснее книжки, а я спросила, где у Дилла отец.

— Ты про него ничего не говорил.

— У меня отца нет.

— Он умер?

— Нет...

— Как же так? Раз не умер, значит, есть.

Дилл покраснел, а Джим велел мне замолчать — верный знак, что он изучил Дилла и решил принять его в компанию. После этого у нас на все лето установился свой распорядок. Распорядок был такой: мы пере-

---

* Фильм по роману ужасов Брэма Стокера (1847—1912), его герой — вампир.

страивали свой древесный домик — гнездо, устроенное в развилине платана у нас на задворках, ссорились, разыгрывали в лицах подряд все сочинения Оливера Оптика, Виктора Эплтона и Эдгара Райса Бэрроуза*. Тут Дилл оказался для нас просто кладом. Он играл все характерные роли, которые раньше приходилось играть мне: обезьяну в «Тарзане», мистера Крэбтри в «Братях Роувер», мистера Деймона в «Томе Свифте». А потом мы поняли, Дилл немножко колдун, вроде Мерлина, — великий мастер на самые неожиданные выдумки, невероятные затеи и престранные фантазии.

К концу августа нам наскучило снова и снова разыгрывать одни и те же спектакли, и тут Дилл надумал выманить из дому Страшилу Рэдли.

Дом Рэдли заморозил Дилла. Сколько мы его ни предостерегали, сколько ему ни толковали, этот дом притягивал его, как луна море, но притягивал только до фонарного столба на углу, на безопасном расстоянии от ворот Рэдли. Тут Дилл застывал: обхватит рукой толстый столб, смотрит во все глаза и раздумывает.

Дом Рэдли стоял в том месте, где улица к югу от нас описывает крутую дугу. Если идти в ту сторону, кажется, вот-вот упруешься в их крыльцо. Но тут тротуар поворачивает и огибает их участок. Дом был низкий, когда-то выбелен известкой, с большой верандой и зелеными ставнями, но давным-давно уже облез и стал таким же грязно-серым, как и весь двор. Прогнившая драпка свисала с крыши веранды, густая листва дубов не пропускала солнечных лучей. Поредевшие кольца забора, шатаясь, как пьяные, ограждали двор перед до-

---

* Авторы детских приключенческих книг. Особенно была популярна серия книг Бэрроуза о Тарзане.

мом — «чистый» двор, который никогда не подметался и весь зарос сорной травой.

В этом доме обитал злой дух. Так все говорили, но мы с Джимом никогда его не видели. Говорили, он выходит по ночам, когда нет луны, и заглядывает в чужие окна. Если вдруг похолодает и у кого-нибудь в саду померзнут азалии, значит, это он на них дохнул. Все мелкие тайные преступления, какие только совершаются в Мейкомбе, — это его рук дело. Как-то на город одно за другим посыпались непонятные и устрашающие ночные происшествя: кур, кошек и собак находили поутру жестоко искалеченными; и хотя виновником оказался полоумный Эдди, который потом топился в Заводи, все по-прежнему косились на дом Рэдли, словно не хотели отказываться от первоначальных подозрений. Ни один негр не решался ночью пройти мимо этого дома — уж непременно перейдет на другой тротуар и начнет насвистывать для храбрости. Площадка для игр при мейкомбской школе примыкала к задворкам Рэдли; возле курятника у Рэдли росли высоченные пекановые деревья, и спелые орехи сыпались с ветвей на школьный двор, но никто к ним не притрагивался: орехи Рэдли ядовитые! Бейсбольный мяч, залетевший к Рэдли, пропал безвозвратно, о нем никто и не заикался.

Тайна окутала этот дом задолго до того, как родились мы с Джимом. Перед семейством Рэдли были открыты все двери в городе, но оно держалось очень замкнуто — грех в Мейкомбе непростительный. Рэдли не ходили в церковь, хотя в Мейкомбе это главное развлечение, а молились Богу у себя дома; можно было пересчитать по пальцам случаи, когда миссис Рэдли

днем выходила из дому, чтоб выпить чашку кофе с соседками, а на собраниях миссионерского общества ее не видали ни разу. Мистер Рэдли каждое утро в половине двенадцатого отправлялся в город и уже через полчаса возвращался, иногда с пакетом в руках: с покупками из бакалейной лавки — догадывались соседи. Я так и не поняла, как старик Рэдли зарабатывал свой хлеб. Джим говорил, что он «скупает хлопок» (вежливый оборот, означавший «бьет баклуши»), но мистер Рэдли с женой и двумя сыновьями жили в нашем городе с незапамятных времен.

По воскресеньям двери и ставни у Рэдли были закрыты — тоже наперекор мейкомбскому обычаю: у нас закрывают двери только в холода или если кто-нибудь болен. А по воскресеньям полагается делать визиты: женщины ходят в корсетах, мужчины — в пиджаках, дети — в башмаках. Но никто из соседей в воскресный день не поднялся бы на крыльцо к Рэдли и не окликнул: «Привет!» Двери у них были сплошные. Я как-то спросила Аттикуса, были ли у них когда-нибудь двери с москитной сеткой, и Аттикус сказал — да, но еще до того, как я родилась.

Рассказывали, когда младший сын Рэдли был подростком, он свел дружбу с Канингемами из Старого Сарэма — многолюдным и загадочным племенем, обитавшим на севере нашего округа, и впервые за всю историю Мейкомба они склотили что-то вроде шайки. Они не так уж много буянили, но и этого было довольно, чтобы о них судил и рядил весь город и три священника увещевали их с трех церковных кафедр: они слонялись возле парикмахерской, по воскресеньям ездили автобусом в Эбботсвил в кино; ходили на танцульки